

текст:

Виктор Вахштайн

социолог, МВШСЭН

Метафоры и метаморфозы университета

6

Язык по своей природе метафоричен, и в основе любой картины мира, в том числе и научной, можно обнаружить базовые метафоры, из которых разворачиваются все дальнейшие построения. Для современных исследователей метафора — это не столько одно из художественных средств, сколько инструмент познания и конституирования действительности. И история университета может быть рассмотрена сквозь призму того, как менялись метафоры в его самоописании.

Если мы внимательно посмотрим на историю европейского университета, то увидим, что это не одна, а несколько очень разных историй. Собственно, никакой обобщенной европейской университетской модели не существует. (Точнее, не существовало до недавнего времени, пока не появилась задача унификации европейского образовательного пространства.) И, тем не менее, исследователи университетской культуры продолжают искать некий мистический общий знаменатель, своего рода общий код университета.

Изначально университет не был местом «производства научного знания». У него были другие задачи. Университет старше науки (или того, что мы склонны называть наукой сегодня). Как университет и наука «встречают» друг друга, как протекает их совместная жизнь, полная коллизий и недопонимания — это отдельный сюжет. Меня же интересует другой вопрос — вопрос о базовых метафорах, лежащих в основе самоопределения университета.

Изначально университет не был местом «производства научного знания». У него были другие задачи. Университет старше науки (или того, что мы склонны называть наукой сегодня).

Именно через метафору изначально задается отношение университета и города, университета и власти, университета и студентов, университета и преподавателей. Столь дорогая любому профессорскому сердцу максима «университетской автономии» — тоже метафора.

Итак, зафиксируем исходные вопросы: посредством каких метафор университет определяет свое место в мире? Каким «языкам» принадлежат эти метафоры? Наконец, когда и почему происходят изменения метафорики в самоописании университета?

«Церковь Разума», или Автономия университета как метафора

В истории всех европейских систем образования возникали некие критические моменты, моменты исторической турбулентности, в которых именно университет оказывался тем местом, где производилась новая картина мира. Как правило, это происходило в ситуациях серьезных политических кризисов. Любопытно, что двусмысленная связь университета и политического кризиса обнаруживается как на самых ранних этапах европейской истории, так и в современных университетских системах.

Начнем с современности. Я приведу пример, который мне близок по опыту работы на Балканах. До войны в Боснии и Герцеговине было четыре университета. Что происходит с вузовской системой в годы войны? Вопреки ожиданиям, она не исчезает, а стремительно расширяется.

В разных городах создаются новые вузы, а в уже существующих открываются новые факультеты. Примечательный факт: в 1993 году, в разгар боевых действий, принимается Закон об университетах, определяющий административную структуру вузов Боснии. По этому закону факультеты наделяются самой широкой автономией.

Курс на увеличение числа вузов сохранился и в послевоенное время. Вернувшаяся с фронтов молодежь оседает в этих образовательных центрах. Рост числа студентов не прекращается до начала 2000-х. К этому моменту каждая из общин уже имеет развитую сеть вузов, главное предназначение которых — удержание национальных автономий. Университеты становятся местами производства новых, размежевавшихся Балкан. Яркая деталь: среди военных преступников, осужденных международным Гаагским трибуналом, немало бывших университетских сотрудников. Самый знаменитый из них — профессор психиатрии Радован Караджич.

Заметим, университеты не просто действуют по заказу национальных государств. Они их формируют. По справедливому замечанию Э. Геллнера, прогресс национализма невозможно представить без прогресса университета. Но дело здесь не в национализме. Университеты производят новые языки описания и способы мышления, востребованные моментом. Эта востребованность — гарантия их собственной автономии. Национализм же — лишь один из произведенных ими продуктов.

Благодаря технократическому языку университет становится инструментом социальной политики. Эта метафора лежит в основе многих социально-инженерных проектов. Например, когда закрываются шахты Рурского угольного бассейна на западе Германии, складывается сложная социальная ситуация. И для того чтобы дети потерявших работу шахтеров не пополнили ряды уличных преступников, создается университет.

Изначально «университетская автономия» — это именно политическая автономия. В 1158 году германский император Фридрих Барбаросса захватил Милан (по тем временам один из самых богатых городов Ломбардии). Он созвал на Ронкальском поле сейм, дабы навязать североитальянским городам новый порядок управления. Профессорам-юристам из болонского университета, которые также были приглашены на сейм, удалось предложить Барбароссе нечто большее, нежели просто новую политическую схему, — они предложили ему новый язык описания политики и новый способ мышления о власти. Это очень помогло императору в его

7

борьбе с папой. В благодарность за помощь со стороны болонских профессоров Барбаросса издал закон, по которому брал под свое покровительство тех, кто «путешествует ради научных занятий, в особенности преподавателей божественного и священного права». Студенты Болонского университета освобождались от подчинения городским судам Болоньи. Таким образом, утрата североитальянскими городами (относительной) автономии способствовала развитию (относительной) автономии университетов.

Впрочем, не стоит все сводить к политической игре. Дело не в том, что университет занимает «правильную идеологическую позицию», а в том, что он демонстрирует свою способность к производству востребованных способов описания мира. Благодаря этой способности университет превращается в некую «точку трансценденции»: воспаряя над суетным миром, поднимаясь выше города, региона, империи, он участвует в политической борьбе, но не в числе других игроков, а как один из арбитров. (Не случайно болонский университет — родина римского права.) Ранее такая возможность «институционализированной трансценденции» была закреплена лишь за церковью.

«Церковная» метафора — университет как церковь Разума — одна из самых сильных метафор самоописания университета, дошедшая до наших дней.

Язык технократии

В XX столетии университет уже не является местом привилегированного производства картин мира и центром разработки языков описания. (Справедливости ради следует сказать, что монополистом на этом рынке университет не был никогда и лишь изредка — мы уже говорили, когда именно, — оказывался в авангарде.) Начинается коррозия университетской культуры и вместе с ней — способов самоописания университета. После Второй мировой войны мир обнаружил, что изменился. Ему требовались новые ответы на старые вопросы. И классический университет вряд ли мог в этом помочь. Так появились новые метафоры, перекроившие университетскую среду.

Одна из них — метафора социальной инженерии. Мир сошел с ума, произошла война, война нанесла непоправимый урон, и сейчас наша задача — «починить» этот мир. Университет — это то, что «чинит» Европу. Университет как механик, который после катастрофы разгребает покореженные корпуса европейских государств и своими осторожными действиями возвращает их в норму, снова ставит на рельсы. В этом языке университет более не суверенен, а в лучшем случае автономен; он больше не учреждает свой собственный порядок описаний, перестает быть местом трансценденции, в котором вы, как тот, кто входит в университет, оказываетесь дистанцированным наблюдателем. Для Германии это означает конец классического гумбольдтовского университета с его требованием «уединения и свободы». Для Англии — поражение оксбриджской модели в символической борьбе с «краснокирпичными» университетами, наследниками индустриальной революции конца XIX века. Для Франции — проигрыш университетов Высшим школам, воплощавшим дух наполеоновских реформ. Во всех этих случаях речь идет о закате неутилитарного, непрагматического знания. Еще раздаются голоса о «воспитательной» ценности такого университетского продукта, но в новой метафорике — метафорике социальной инженерии — ему просто нет места.

Благодаря технократическому языку университет становится инструментом социальной политики. Эта метафора лежит в основе многих социально-инженерных проектов. Например, когда закрываются шахты Рурского угольного бассейна на западе Германии, складывается сложная социальная ситуация. И для того чтобы дети потерявших работу шахтеров не пополнили ряды уличных преступников, создается университет. Но правительство ФРГ подходит к этой социально-инженерной проблеме с немецкой основательностью: создается не просто резервация для молодежи, а по-настоящему хороший университет — Билефельдский (в котором затем работают Х. Шельски и Н. Луман). А в Финляндии, в результате процессов индустриализации, встала стратегическая задача: не дать лапландским оленеводам переселиться в крупные города, поскольку это приведет к тому, что северная часть страны обезлюдует и контроль над территорией ослабнет. Так в городе Йоэнсуу создает-

ся университет, где философии и социальным наукам обучаются дети оленеводов.

Впрочем, тем, кто родился в Советском Союзе, не нужно рассказывать, как метафора «университет — инструмент социальной инженерии» работает на практике. Самая яркая иллюстрация социально-инженерной метафоры — механизмы квотирования на вступительных экзаменах. Инженерия предполагает процесс проектирования. Инженерному мышлению нужен проект; например: «Мы хотим, чтобы в нашем обществе было столько-то образованных людей, которые будут заниматься тем-то и тем-то. Для этого мы так-то и так-то изменяем университетскую политику, и нам все равно, что по этому поводу думают университеты с их автономией. Нам важно, чтобы в обществе было определенное количество образованных людей, которые будут занимать определенные позиции».

Университет как механик, который после катастрофы разгребает покореженные корпуса европейских государств и своими осторожными действиями возвращает их в норму, снова ставит на рельсы.

Классический пример — послевоенная Англия. 1946 год, все в руинах. Комиссия Барлоу, которая собирается по инициативе парламента, должна проанализировать процессы, происходящие в системе образования. Ее заключение: у нас кастовая система образования, для людей с улицы она закрыта, и университеты не выполняют функцию социального лифта. При сохранении имеющихся тенденций мы скоро будем на последних местах по показателям экономического развития, потому что через двадцать лет в нашей стране стратегически важные политические и экономические решения будут принимать люди, у которых нет высшего образования. Эти доводы в то время не были приняты во внимание. Через двадцать лет, в середине 1960-х, собирается следующая парламентская комиссия («комиссия Робинса») и свидетельствует: Барлоу был прав, мы отстаем в экономическом развитии. Тогда принимается ряд политических мер по «разгерметизации» высшего образования: пишется знаменитая «Белая книга» британского образования, увеличивается число вузов, наконец, создается Открытый университет, который возглавляет премьер-министр под патронажем королевы. Так был дан старт политике «открытых шлюзов» — бунтующую молодежь рабочих окраин пытаются затащить в вузы. Впрочем, все эти решения, принятые в инженерной логике, имели множество непрогнозируемых последствий и, в конечном итоге, поставили под сомнение легитимность самой этой логики. Недавние инициативы по реформе образования в Англии и Шотландии — это попытка выйти из метафоры социальной инженерии в другой

язык описания, где университет предстает в образе бизнес-корпорации. Однако насколько эта метафора окажется конкурентоспособной на английской почве, покажет время.

Метафора университета как политической партии работает только тогда, когда университет является машиной по (вос)производству политических элит. В социально-инженерном языке описаний университет должен максимизировать общественное благо, в рыночном — прибыль, в политикоцентричном — власть.

Власть и прибыль

Бизнес-корпорация — это принципиально иная метафора. Не средневековая корпорация, вроде цеха портных или обувщиков, со своими обязанностями и привилегиями, а именно бизнес-организация, со всеми коннотациями «языка рынка». И если метафора социальной инженерии строится на идее максимизации общественного блага, понимаемого чрезмерно абстрактно, то метафора экономической корпорации держится на идее максимизации экономической выгоды (зачастую понимаемой чересчур конкретно).

Еще одна распространенная метафора — метафора университета как политической партии. Правда, «работает» она в основном либо при диктаторских режимах, либо при таких парламентских демократиях, где политические образования имеют давние связи с университетами, а также отдельными факультетами, школами и даже клубами выпускников. В Нидерландах был случай, когда правящая партия попала в чудовищный скандал из-за перебрасывания государственных ресурсов «своим» университетам. Примером сращивания университета и власти может служить португальский диктаторский режим, который возглавлял Антонио Салазар, профессор экономики Коимбрского университета. Этот университет более чем на десятилетие стал главным каналом рекрутирования правящей элиты, а сам Салазар, чтобы укрепить метафору университетской автономии, ежегодно приезжал к ректору университета с просьбой о продлении академического отпуска еще на один год.

Метафора университета как политической партии работает только тогда, когда университет является машиной по (вос)производству политических элит. В социально-инженерном языке описаний университет должен максимизировать общественное благо, в рыночном — прибыль, в политикоцентричном — власть. Впрочем, не одну только власть, но еще и политическую солидарность. Это очень «клубная» метафора университета (что хорошо показал Теодор Ньюкомб в своих знаменитых «Бенningтонских исследованиях».)

8

Но, пожалуй, политический язык самоописания университета — один из наименее разработанных. А точнее, один из наименее прозрачных. Проблема не в том, что он не производит яркой и убедительной картины мира (и университета в нем). Ровным счетом наоборот: таких образов становится слишком много — столько, сколько возникает точек соприкосновения сферы политики и университетской жизни.

«Сфера общественных услуг»

Метафоризация университетского дискурса сильно возрастает в послевоенный период. Это связано с тем, что после Второй мировой войны университеты в Европе перестают рассматриваться как нечто, «автоматически» имеющее право на существование. Университет становится чем-то, что заново должно отстаивать свою автономию. Больше не работают стандартные модели легитимации университетской самозаконности. Но важнее то, что языки описания, производимые в недрах европейских университетов, теряют свою убедительность. В связи с этим и самим университетам требуется новая стратегия самообоснования. Главное, что теряется в результате этого поиска — привилегированная

позиция «места, где производятся картины мира», где делаются как бы «снимки Европы из космоса», а не «изнутри».

Поиски новой метафорики не ослабевают до сих пор. Одно из последних тому свидетельств — дебаты о так называемой «третьей роли» университета. Третья роль — это миссия «оказания услуг обществу». Попытка утверждения языка, в котором университет рядоположен другим институтам общественной саморегуляции. Конечно, это одна из разновидностей социально-инженерной метафоры, с той лишь разницей, что субъектом выступает не государство, а местное локальное сообщество, и целью является не строительство «лучшего мира», а служение интересам местных общин. Не случайно наибольшее распространение эта метафора получила в скандинавских странах, где традиционно сильны механизмы общинного самоуправления. Сейчас в ряде стран северной Европы положение о «третьей миссии» вузов закреплено законодательно. Принимая во внимание складывающиеся стратегии самообоснования, можно предположить, что «третья роль» вскоре отодвинет в сторону первые две — образования и исследования.

Недавно подобные дискуссии развернулись и в России. Однако в российском контексте они звучат совершенно иначе.

«Русская ракета»

На мой взгляд, российская университетская система (собранная из деталей немецкой и французской моделей) никогда не располагала к развитию полноценной университетской автономии. И стратегии самообоснования здесь изначально шли через социально-инженерную метафорику. Кульминации социально-инженерная метафора достигла в сталинском университете.

Если же мы посмотрим, что представляет собой современный университетский ландшафт, то увидим картину крайне пеструю. Сегодня в пространстве высшего образования России сосуществуют три модели университета, которые производят три принципиально различные картины мира. Притом что сами эти модели произведены тремя разными эпохами. (Представьте себе некий интеллектуальный «парк Юрского периода», где различные виды «динозавров» не сменяют друг друга, а живут как в заповеднике.)

Есть так называемые «сталинские» университеты. Это вузы, сформировавшиеся в своем нынешнем виде в 1930—1960-е годы и — при некоторой неизбежной эволюции — дожившие до наших дней. Они обладают иерархичной системой управления, связаны с локальными политическими элитами и сильно заточены на выполнение государственно-бюрократического заказа.

Есть также небольшая прослойка университетов 1990-х. Это вузы, созданные на «западные» деньги и переживающие уход «эпохи фондов» как личную трагедию. В 2000-е они сильно эволюционировали: многие из них стали жертвами «естественного экономического отбора» (места-

ми переходящего в отбор искусственный, политический). Но наиболее стойкие нашли свою нишу, не потеряв своей изначальной мессианской направленности. Задолго до того, как слово «модернизация» стало маркером новой официальной идеологии, университеты 90-х были главными производителями модернизационного языка.

Третье поколение — путинско-медведевские исследовательские университеты, группа «флагманов модернизации». Они тоже формировались в 1990-е годы в русле общей прозападной, ориентированной на импорт символической экономики, а затем начался очень сильный процесс огосударствления, получения государственных бюджетных средств и ресурсов. Сегодня именно эти вузы претендуют на статус новых производителей картины мира. Однако то, что ими в конечном итоге производится, представляет собой довольно странный гибрид социально-инженерной метафорики и языка рынка. То ли риторика «модернизационного прорыва» прикрывает экономоцентричность, то ли наоборот, логика бизнес-корпорации служит прикрытием для обслуживания больших государственных проектов.

Сегодня в пространстве высшего образования России существуют три модели университета, которые производят три принципиально различные картины мира. При этом что сами эти модели произведены тремя разными эпохами.

Сила воображения

Что же противостоит метафоре как типу самоописания? В наибольшей степени — тавтология. То есть мышление не в логике уподобления чего-то одного чему-то другому: «X как Y», а в логике тождества: «X — это X». Закон есть закон, порядок есть порядок, университет есть университет. Вам не надо говорить: университет — это политическая партия (или бизнес-корпорация). У вас уже есть ответ, вы знаете, что такое университет, и вам не нужны метафоры. Но в какой-то момент происходит разгерметизация языка описания и начинается поиск метафор, в которых университет осмысливается уже не как университет, а по аналогии с чем-то иным.

Как реализуется картина мира? Что заставляет метафору работать, приводить в действие механизмы социальных изменений? Как риторическая конструкция приобретает прагматический потенциал?

У меня нет исчерпывающего ответа на эти вопросы. Отмечу лишь, что то затруднение, с которым мы здесь сталкиваемся, указывает на ограничения нашего собственного языка описаний. Проблема состоит не только в том, чтобы вывести метафорику на первый план и уйти от традиционной социологической культуры подозрения, т.е. от полурефлектор-

ного вопрошания в духе: «что кроется за этим дискурсом?», «какие позиции в поле культурного производства занимают профессора?», «чьи интересы обслуживают университеты, прикрываясь метафорой церкви Разума?». Проблема еще и в том, чтобы увидеть конститутивную силу метафоры — ее способность к созданию новых социальных порядков.